

Цзян Чао потёр переносицу и по-прежнему не произнёс ни слова. Он прямо достал телефон, набрал номер, и вскоре Дун Чэн был доставлен в частную клинику.

Когда брали кровь, врач сообщил Дун Чэну и Цзян Чао, что даже для ускоренной экспертизы потребуется от пяти до шести часов, и предложил обоим мужчинам пока вернуться домой, пообещав немедленно сообщить, как только будут готовы результаты. Однако Дун Чэн решил остаться в больнице и ждать. Видя его упрямство, Цзян Чао не стал возражать; он приказал четверым людям тайком присматривать за парнем, а сам уехал.

Дун Чэн пробыл в больнице до тех пор, пока не появились результаты анализов. Благодаря Хайбао, предсказуемо оказалось, что он — биологический сын Цзян Чао.

Вскоре Цзян Чао тоже узнал эту новость, но возвращаться в больницу он не стал, а назначил Дун Чэну другую встречу. Заодно он полностью передал в распоряжение Дун Чэна тех четверых людей, что были оставлены следить за ним, благовидно назвав это защитой.

Тем временем Цзян Чао, отложив телефон, взял в руки фотографию покойной жены. Она ушла из жизни уже почти двадцать лет назад. В те годы он перед ней виноват: если бы он не отправил сына работать в компанию, тот не попал бы в беду вместе с Хэ Сяотянем. У Хэ Сяотяня по крайней мере осталось двое сыновей, а у его собственного парня даже девушки не было. Жена после смерти сына слегла с тяжёлой болезнью и вскоре последовала за ним.

Именно тогда Цзян Чао, судя по всему, возненавидел Хэ Фэна, возложив на него вину за все свои несчастья. Он жаждал мести, но в тот период был совершенно бессилён, поэтому обратил внимание на любовницу Хэ Фэна. Он обнаружил, что Хэ Фэн, хотя и неплохо относился к своей пассии, навещал её крайне редко. Цзян Чао почти не пришлось прикладывать усилий, чтобы эта женщина оказалась в его постели.

Подобная порочная связь продолжалась около года, пока однажды любовница вдруг не заявила ему, что беременна и ребёнок от него.

Цзян Чао тогда потерял дар речи. Он не мог понять, что испытывает — радость или страх. С одной стороны, он никак не мог допустить, чтобы Хэ Фэн узнал, будто он спал с его женщиной, и любовница была обязана избавиться от ребёнка. С другой стороны, он только что потерял кровного родственника, и ребёнок во чреве женщины давал ему иную надежду, заставляя желать, чтобы она доносила беременность.

Пока он так колебался, о беременности любовницы узнал и Хэ Фэн.

В отличие от него самого, Хэ Фэн очень ждал этого ребёнка и даже дал любовнице обещание, пообещав ввести этого ребёнка в Семью Хэ. Примерно в то же время у Цзян Чао впервые зародилась мысль сделать так, чтобы его собственный сын занял место наследника семьи Хэ и вытеснил законного наследника. Однако эта идея лишь мелькнула в голове: поразмыслив, он всё же решил, что для него важнее, чтобы ребёнок просто выжил. Поэтому, обдумывая всё в течение четырёх лет, он наконец нашёл подходящий момент и позволил любовнице увезти с

собой сына, который к тому времени уже стал младшим господином Хэ.

Но никто и предположить не мог, что сразу после ухода из семьи Хэ любовница и младший господин Хэ попадут в автокатастрофу. Когда Хэ Фэн разыскал их, машина уже сгорела. Хотя в салоне обнаружилось лишь одно тело, авария произошла в крайне глухом и безлюдном месте, и маленький ребёнок никак не смог бы оттуда выбраться. Хэ Фэн задействовал все ресурсы семьи Хэ, но поиски, продолжавшиеся несколько лет, не дали абсолютно никаких результатов.

Прошло столько лет, и поскольку у Цзян Чао, по сути, не было никаких отцовских чувств к этому мальчику, он быстро выбросил его из головы, сосредоточившись на том самом мимолётном плане, который некогда возник у него в мыслях.

Опустив фотоальбом, Цзян Чао снова взял в руки телефон. Он вынашивал свой замысел много лет: если бы не появление Дун Чэна, ровно через неделю он под предлогом необходимости развеяться пригласил бы Хэ Фэн съездить на могилу матери Дун Чэна. К тому моменту тщательно подготовленный им за долгие годы поддельный младший господин Хэ появился бы в самый нужный момент. Сценарий уже был написан: могила матери, сын, который не желает возвращаться в богатую семью, и правда о давней автокатастрофе...

Какая жалость...

Его настоящий сын вернулся. Ему нужен был и сын, и права на наследство семьи Хэ, а значит, оставалось лишь на ходу сменить главного героя.

Дун Чэн понятия не имел, что Цзян Чао только что принял решение, имевшее для него судьбоносное значение. Собираясь покинуть больницу, он столкнулся со знакомым человеком.

Тот появился настолько внезапно, что Дун Чэн даже не успел взять себя в руки. Сопровождавший Линь Сэнь Хэ Тинвэй направился прямо к ним и с улыбкой приобрёл за плечо того, кто стоял рядом с Дун Чэном: — Разве это не Дахай? И Сяохэ тоже здесь. Что вы тут делаете, где дедушка Цзян?

Увидев его, Дахай и остальные явно опешили. Они поспешно окликнули его: — Второй молодой господин, — после чего на ходу придумали отговорку, будто Цзян Чао случайно толкнул кого-то и попросил их составить ему компанию для прохождения обследования в больнице.

Хэ Тинвэй и без того не был тесно знаком с Цзян Чао, а подошёл поздороваться лишь из вежливости к знакомым лицам. Вникать в детали он не стал, отделавшись дежурными фразами, после чего все разошлись в разные стороны.

Лишь после этого Дун Чэн повернул голову обратно от окна, куда засмотрелся на пейзаж.

— Молодой господин Дун знаком со вторым молодым господином? — на обратном пути

телохранители непринуждённо завели разговор, чтобы разрядить обстановку.

Дун Чэн покачал головой: — Я знаком с тем человеком, который был рядом с ним. В то же время в больнице Хэ Тинвэй, одной рукой под капельницей с противовоспалительным, посмотрел на Линь Сэня и спросил:

— Линь Сэнь, тот парень, который только что посмотрел на тебя и сразу отвернулся, ведь это был Дун Чэн?

— Мм... — лениво отозвался Линь Сэнь. Лишь спустя долгое время он медленно приподнял веки: густая сеть покрасневших сосудов на белках глаз выдавала усталость их хозяина.

Хэ Тинвэй вдруг почувствовал укол совести: если бы не он, Линь Сэнь не выбился бы так из сил. Но стоило ему вспомнить слова собственного помощника, как он решил, что всё-таки обязан кое о чём предупредить Линь Сэня.

— Разве у Дун Чэня есть рабочие планы в городе Юй? Может, он... — приехал сюда вслед за тобой? Он не договорил, а заметив, как Линь Сэнь слегка нахмурил брови, продолжил: — Репутация у этого Дун Чэня не ахти какая. Тебе лучше держаться от него подальше.

Выслушав его, Линь Сэнь рассмеялся. Сам он производил впечатление человека мягкого и бесхитростного, с которым заговорить может кто угодно. Но в душе он был невероятно холоден, и каждая его улыбка словно выверялась по линейке — уголки губ поднимались ровно настолько, сколько нужно: иногда в знак вежливого ответа, а иногда — с чистой насмешкой.

Хэ Тинвэй с первого взгляда понял, что Линь Сэнь над ним смеётся. Впрочем, в этом месяце он и сам слишком часто упоминал Дун Чэн.

Но молчать он не мог и, набравшись храбрости, выложил то, что услышал от других:

— Ты держишься в стороне от грязи, но это не значит, что все вокруг такие же, как ты. Если бы в прошлый раз он целый месяц не ублажал того инвестора по фамилии Лю, разве попал бы в вашу съёмочную группу?

Однако кто бы мог подумать, что после этих слов улыбка полностью исчезнет с лица Линь Сэня. Он закрыл глаза и снова откинулся на спинку дивана.

Хэ Тинвэй рассердился:

— Ты мне не веришь?

Тон Линь Сэня был ровным:

— Верю.

— Ты просто мне не веришь, — выпалил Хэ Тинвэй, с вызовом выдернул из руки иглу и соскочил с койки.

Видя такое, Линь Сэнь даже поленился с ним спорить, поспешно поднялся и поддержал его:

— Я тебе верю, ложись обратно.

Он уже протянул руку, чтобы нажать кнопку вызова, но Хэ Тинвэй перехватил его запястье

мёртвой хваткой. Его глаза покраснели ещё сильнее, чем у Линь Сэня, в них плескались злость и обида:

— Значит, тебе самому приглянулась внешность Дун Чэня, и ты тоже хочешь с ним переспать?

— Хэ Тинвэй! — на лице Линь Сэня проступило явное раздражение, он с силой оттолкнул его руку.

Но Хэ Тинвэй не унимался:

— Плевать, хочешь ты мужиков или женщин, мне всё равно! Но ты мой друг, и я не позволю всякой грязи крутиться возле тебя!

— Да я даже в мыслях такого не держал!

Линь Сэнь и без того валился с ног от усталости, а от этой ссоры у него за пульсировало в висках. Сейчас его меньше всего волновало, какая муха укусила Хэ Тинвэя и почему тот вцепился в этого Дун Чэн мёртвой хваткой. Он потёр переносицу и бросил:

— Не все рождаются с золотой ложкой во рту, как ты, молодой господин Хэ. И пусть Дун Чэн пробился наверх чистым путём, или же его кто-то содержал, кто-то с ним спал — это его личное мастерство. Можешь презирать его за грязь, за отсутствие самоуважения, можешь даже воспользоваться своим врождённым богатством и властью, раз уж он тебе так ненавистен, и растоптать его так, чтобы он до конца жизни не смог подняться. Но я не хочу, чтобы ты, поливая его грязью, одновременно возносил меня до небес.

В этом и заключалась главная безысходность Линь Сэня: Хэ Тинвэй вечно идеализировал его.

Он посмотрел на замершего напротив Хэ Тинвэя и чуть смягчил тон:

— Знаю, всё потому, что я твой друг, и в твоих глазах я безупречен. Но запомни, Хэ Тинвэй: я ничем не лучше его. Он грязен, но и я отмыт не намного сильнее!

Хэ Тинвэй остолбенел. Только сейчас до него дошло: все его слова о Дун Чэне на самом деле больно били по самому Линь Сэню, сдирая с него старые шрамы. За всю свою жизнь он ещё никогда не испытывал такого острого чувства вины. Совершенно растерявшись, он забормотал:

— Линь Сэнь... Я...

Он хотел извиниться, но гордость не позволяла подобрать слова. Пока он мучительно соображал, с чего начать, Линь Сэнь уже резко притянул его к себе.

Хэ Тинвэй почувствовал неладное и инстинктивно закрыл голову руками:

— Только не по лицу!

Линь Сэнь даже не взглянул на него, перетянул руку через его голову и нажал кнопку вызова медсестры над изголовьем кровати, холодно бросив два слова:

— На укол!

Тяньцзинь

Пятизвёздочный герой второго плана (5)

Вскоре после того, как Дун Чэн вернулся, Цзян Чао прислал за ним людей. С помощью Цзян Чао Дун Чэн съездил на кладбище, а затем оказался лицом к лицу с Хэ Фэном.

Стол между ними был усыпан различными документами с результатами экспертиз. Ознакомившись с ними, старик покраснел глазами. Вероятно, он до последнего не верил, что сын, потерянный столько лет назад, действительно вернулся. Долго вглядываясь в Дун Чэня, он так и не смог вымолвить ни слова.

Видя, что старик молчит, Дун Чэн просто сидел рядом, первым завязывая разговор. Пройдя через множество миров и примерив бесчисленное множество ролей, при желании он мог с лёгкостью рассмешить любого. Старейшина Хэ не стал исключением: вскоре во дворе уже раздавался его раскатистый, искренний смех. Неудивительно, что Дун Чэн был оставлен старейшиной на территории санатория: по утрам он вместе со стариком выгуливал в горах собак, а вечерами составлял ему компанию за игрой в го. Когда старейшина изъявлял желание порыбачить, Дун Чэн сам подготавливал прикормку. Отец и сын надевали одинаковые наряды, водружали на головы абсолютно идентичные маленькие кожаные кепки и рядышком усаживались на берегу пруда, заставляя прохожих то и дело оборачиваться им вслед.

Лет десять назад старейшина Хэ наверняка счёл бы подобные занятия скукой смертной, но теперь он упивался каждой минутой. В глубине души это было именно то, о чём он всегда мечтал. В молодости старейшина был готов пренебречь родными и возлюбленной ради карьеры, искренне полагая, что мирские успехи важнее любых чувств. Однако, дожив до старости и добившись того, о чём иные не смеют мечтать и за несколько жизней, он попытался оглянуться назад, чтобы обрести душевный покой, и с ужасом обнаружил, что рядом больше не осталось никого, кто ждал бы его любви.

Поэтому появление Дун Чэня не обошлось без доли сомнений со стороны старика. Впрочем, после недолгого общения эти подозрения постепенно растворились в радости от обретённого заново счастья, и теперь старейшина желал лишь одного — чтобы этот сын остался с ним навсегда. Проведя еще с неделю в подобных размеренных хлопотах, старейшина начал заводить с Дун Чэнем разговоры о возвращении в семью Хэ.

Старик взял Дун Чэня за руку и проникновенно произнес:

— Ты ведь изначально младший господин из семьи Хэ. Это моя ошибка обрекла тебя на столько лет скитаний на чужбине, пора наконец возвращаться домой.

Раз уж разговор зашел об этом, у Дун Чэня не было ни причин, ни возможности отказываться, однако он наотрез отказался менять фамилию, настаивая на том, чтобы остаться Дун.

— Супруги, усыновившие меня, носили фамилию Дун, и они очень хорошо ко мне относились, — объяснил он. — Если возможно, я бы не хотел ее менять.

Старик на мгновение засомневался. Ему так хотелось сказать парню, что упорство с фамилией может стоить ему прав на наследство: в конце концов, семейное дело Хэ никак не могло отойти

человеку со стороны. Но едва слова слетели с языка, он встретился взглядом с невероятно чистыми глазами сына, и в сердце старика мгновенно растаяло любое упорство.

Ладно, в конце концов, ему суждено прожить еще добрый десяток лет. Пока он жив, кто посмеет обидеть его младшего сына? У него еще предостаточно времени, чтобы во всем наставить парня.

Пробыв у старейшины чуть больше месяца, Дун Чэн стал всеобщим достоянием — по крайней мере, в кругу семьи Хэ о нем узнали все. Правда, поначалу старейшина Хэ никого не посвящал в истинное положение дел, из-за чего многие гадали, не изменились ли у старика вкусы и не завёл ли он себе ручную птичку. Соответственно, и отношение к Дун Чэню у домашних было далеко не самым приветливым.

Особенно усердствовал второй господин Хэ. Ему казалось мало просто отпускать шпильки в лицо Дун Чэню, и он притащил с собой Линь Сэня. Наученный горьким опытом прошлого, он не рискнул открыто задевать Дун Чэня в присутствии актера, но молчание Линь Сэня вовсе не означало, что вокруг царило молчание. Стоило им пару раз побывать в гостях, как Линь Сэнь узнал о Дун Чэне все ходившие в кулуарах слухи.

Сам Линь Сэнь провел в шоу-бизнесе немало лет, не имея за душой ни влияния, ни связей, поэтому истинные мотивы Хэ Тинвэя он разгадал с одного взгляда. Впрочем, мнение Линь Сэня кардинально отличалось от позиции Хэ Тинвэя.

Взгляд, которым Дун Чэн смотрел на старейшину Хэ, был донельзя чистым. Чувства в нем плескались без утайки, словно юноша распахнул душу настежь, позволяя делать с ней всё, что заблагорассудится. В свою очередь, старейшина Хэ относился к нему совсем не так, как богатые покровители привыкли относиться к своим любовникам. Несмотря на обилие контактов, между ними не было и намёка на пошлую негу: вместо пары любовников они напоминали скорее отца и сына, проживших вместе долгие годы.

Как бы то ни было, связь между этими двумя оказалась куда сложнее, чем казалось. Желая уберечь Хэ Тинвэя от глупых ошибок, Линь Сэнь предупредил приятеля: сколь бы сильной ни была неприязнь к Дун Чэню, выказывать ее на глазах старейшины Хэ строго-настрого запрещено.

Хэ Тинвэй всегда прислушивался к его советам и с тех пор вел себя безупречно. И слава богу, что Линь Сэнь вовремя предостерег его: спустя месяц старейшина Хэ официально объявил о статусе Дун Чэня. Выяснилось, что он — младший сын старика, потерявшийся много лет назад, и теперь оба брата, Хэ Тинлун и Хэ Тинвэй, обязаны звать его младшим дядей. Новость повергла весь дом в шок. Те же, кто ранее подозревал Дун Чэн в роли содержанки старейшины, кусали локти от досады; теперь же они наперебой старались пробиться к парню, чтобы засыпать его извинениями и дорогими подарками.

Дун Чэн проявил великодушие, простив всех без исключения, заодно выбрав парочку наиболее приятных лиц для поддержания долгосрочных контактов.

За этим последовал шквал новостей. Не прошло и нескольких дней, как прежние знакомые Дун Чэня узнали, что он — потерянный младший сын влиятельного клана Хэ, и телефонные звонки посыпались со всех сторон. Первым дозвонился его агент, который ранее всячески отговаривал парня, твердя, что он еще молод, впереди целая жизнь, и не стоит губить ее ради старика, которому недолго осталось.

Теперь, узнав правду, агент был готов отходить себя пощёчинами: ведь те слова звучали так, будто он прямо в лицо сыну желал скорой смерти его отцу! Одновременно он втайне обижался на неблагодарность Дун Чэня — разве о подобных вещах не сообщают в первую очередь самым близким? Разумеется, вслух по телефону он этого не произнес: сначала горячо поздравил Дун Чэня с воссоединением с семьей, а затем плавно перешел к главной цели звонка:

— Готов ли ты вернуться к работе?

Если тот согласится, то его внешность в сочетании с поддержкой клана Хэ гарантированно вознесет его на вершину славы. А сам агент через него сможет прикоснуться к влиянию семьи Хэ — чистой воды выгода со всех сторон.

Дун Чэн улыбнулся в трубку, его тон остался прежним — легким и дружелюбным:

— Я, конечно, вернусь. Только вот папе не слишком нравится моя профессия, так что не знаю, надолго ли меня хватит.

Агент выразил полное понимание и тут же выпалил:

— Возвращаться нужно немедленно! Я как раз зацепил отличный сценарий, роль второго плана, подпишу контракт сразу, как приедешь.

Дун Чэн поинтересовался:

— Кто играет главную роль?

— Линь Сэнь, — ответил агент и восторженно добавил: — Похоже, к нему наконец повернулась удача! Прошлый сериал, где вы снимались, удачно пристроили на крупную платформу. Не прошло и нескольких дней после премьеры, как исполнитель главной роли остался почти незамеченным, зато персонаж второго плана гремит в трендах каждый день. А этот новый сценарий я уже читал — абсолютный хит, гарантирую взрывную популярность. Лю Сятянь, наверное, локти кусает, что пытался вытурить его из проекта.

Выслушав его, Дун Чэн принял окончательное решение:

— Оставляй сценарий за мной, брат Бай, на следующей неделе я возвращаюсь.

Примостившийся рядом Хайбао при этих словах чуть не расплакался — ему оставалось лишь броситься в ноги хозяину: наконец-то тот соизволил вернуться к основной сюжетной линии.

Перед тем как вылететь в город А, Дун Чэн навестил старейшину Хэ, чтобы поделиться своими планами:

— Тинлуна и Тинвэя вполне хватит для управления делами семьи Хэ, а я все же хочу вернуться на съемочную площадку.

Старейшина, разумеется, был категорически против. Он и раньше недолюбливал этот мир шоу-бизнеса, а после того, как узнал от людей обо всех обидах, перенесенных сыном в прошлом, и вовсе не желал об этом слышать.

Однако упрямство Дун Чэня оказалось столь велико, что старик испугался: если давить на него слишком сильно, это вызовет лишь обратную реакцию. В итоге пришлось пойти на компромисс: разрешить съемки, но с условием — не более одного проекта в год, а в остальное время изволь появляться на службе в компании.

Кое-как согласившись на эти условия и проведя со стариком еще пару дней, Дун Чэн наконец вернулся в город А.

Теперь статус Дун Чэня изменился, и агент, узнав о его прилете, не стал тащить его в офис, а сам примчался на встречу со сценарием.

— Коварный сановник, — прочитал Дун Чэн название нового проекта.

Хайбао тут же подползло ближе, зашуршало страницами синопсиса, и на его мордочке проступила тревога: — Главную роль в Коварном сановнике играет вроде бы не Линь Сэнь. Снова сюжетные отклонения?

Дун Чэн оставил реплику без внимания. Вообще-то, по первоначальному сценарию, за исключением их совместной работы над прошлым сериалом, пути Дун Чэня и Линь Сэня больше никогда не пересекались. Все нынешние изменения происходили исключительно из-за того, что он заставил семью Хэ выйти на сцену раньше положенного срока.

Хэ Тинвэй, будучи другом Линь Сэня, естественно, желал ему добра и без колебаний задействовал собственные связи, чтобы обеспечить актеру роли в высокочастотных проектах, способных поднять его статус. Сам Линь Сэнь тоже не отличался излишней гордостью: раз второй господин Хэ предлагает — грех отказываться, а если Хэ Тинвэю когда-нибудь понадобится ответная услуга, он всегда сможет отплатить той же монетой.

Впрочем, сейчас это не главное. Устроившись на диване и закинув ногу на ногу, Дун Чэн листал сценарий и попутно задал вопрос:

— Помнишь, кому Линь Сэнь проиграл свою первую награду за лучшую мужскую роль?

Хайбао на секунду задумалось, назвало имя, после чего выражение его лица резко изменилось. Оно уставилось на Дун Чэня с абсолютным изумлением:

— Он — исполнитель главной роли в Коварном сановнике.

Дун Чэн продолжил допрос:

— А помнишь то видео с камер наблюдения, которое мы смотрели в прошлый раз?

Хотя Хайбао и не понимало, к чему вдруг зашел этот разговор, оно отлично всё помнило. На записях из клуба четко запечатлелось, как путь Дун Чэню преграждал тот самый мелкий сотрудник по указке бывшего личного помощника Линь Сэня. Но помимо этого всплыл еще один любопытный факт: перед тем как отдать распоряжение, помощница кому-то звонила, и судя по движению ее губ, она произнесла:

— Молодой господин Чу.

В тот же вечер ИИ повторно провел проверку всех знакомых Линь Сэня с фамилией Чу и быстро выяснил, что этот таинственный молодой господин — мажор по имени Чу Цзинъи, еще одна фигура в окружении Линь Сэня, сопоставимая по значимости с самим Дун Чэнем.

Правда, в отличие от Дун Чэня, чья роль изначально предполагала предательство друга, Чу Цзинъи приходился Линь Сэню другом детства с простодушным и порой чудаковатым характером. Точно так же, как и та помощница, он относился к тем редким персонажам оригинального сюжета, которые сопровождали Линь Сэня от начала и до конца. Вот только из-за крайне редких появлений и превращений в живой фон он обладал ровно тем же весом, что и герои вроде Дун Чэня, сошедшие с дистанции на полпути.

Оба этих человека с огромной долей вероятности являлись трансмиграторами, но тогда Дун Чэн был всецело поглощен планом проникновения в клан Хэ, да и Хайбао как искусственный интеллект концентрировало внимание главным образом на расследовании истории с внебрачным сыном.

Теперь же, когда Дун Чэн неожиданно завел об этом речь, система даже слегка растерялась, всё еще не улавливая сути.

Однако Дун Чэн, вопреки обыкновению, не стал выдавать готовый ответ, а продолжил гнуть свою линию:

— Если помощница и Чу Цзинъи — трансмиграторы, какова, по-твоему, их главная задача?

Этого Хайбао даже не нужно было обдумывать — Дун Чэн уже разбирал подобный расклад по полочкам. В оригинальной сюжетной линии, расставшись с прежним агентством, Линь Сэнь получил от компании лишь полусырой проект, где из всех заслуг числился разве что номинальный режиссер. Парню пришлось выскребать все свои многолетние сбережения и задействовать личные знакомства, чтобы вытянуть съемки.